

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

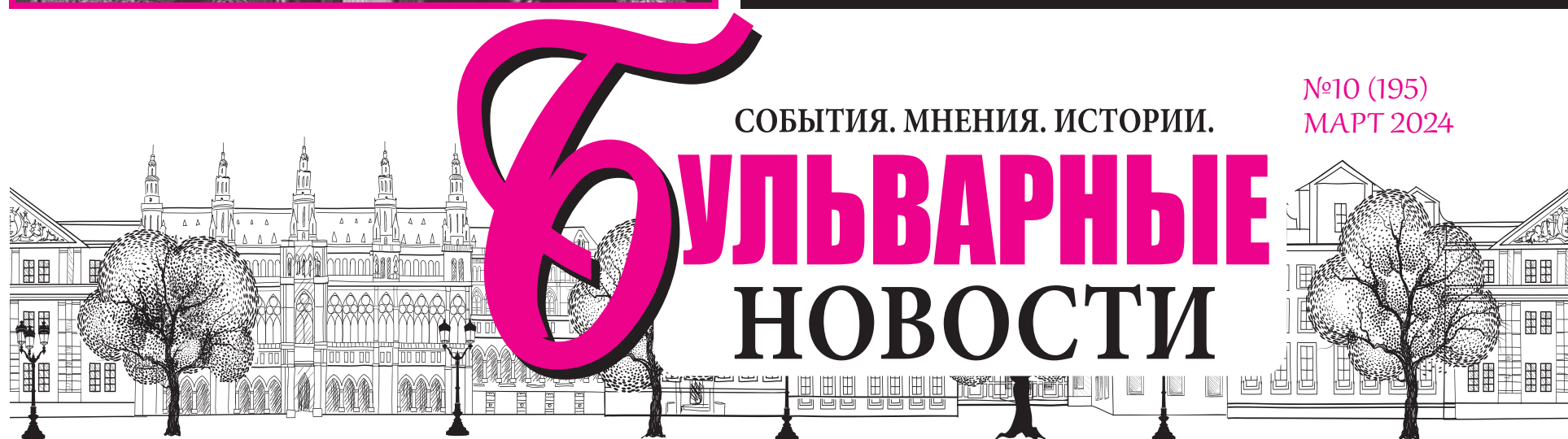
ЭТУШ

СТР.8-11

СТР.14-17

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№10 (195)
МАРТ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

СТР.4-7

В ДЖАЗ - ИЗ ТЕАТРА, ТЕАТР - В ДЖАЗ

КАК «ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ» УЧИЛСЯ ПЕТЬ

СТР.20

С отцом

Геннадий Норд

- Ты не только артист, но и педагог. Что ты думаешь о современной молодежи?

- Я не принадлежу к пожилым людям, которые говорят «а вот в ваше время». Я отношусь к молодежи, как к объективной реальности, данной нам в ощущениях. Всегда есть всякие, в том числе - и талантливые. Я считаю, что не тот учитель, кто учит, а тот, у кого учишься, и я сам продолжаю учиться у своих учеников. А если говорить об учениках - это не значит, что они считают меня учителем, - но я касательство имел к Юлии Борисовой, к Юрию Яковлеву, к Григорию Абрикосову, Вертинской, Райкину, Чурсиной, Ширвиндту, Филатову, Калягину...

- Ты был художественным руководителем курса всего один год. Почему больше не захотел?

- Мне каждый год предлагали взять курс и каждый год я отказывался. Это очень трудоемкая вещь, а я по характеру - очень обязательный человек. Все четыре года, пока я был руководителем - я не вылезал из училища, не сыграл ни одной роли ни в театре, ни в кино, потому что занимался только курсом. Станиславский говорил, для того чтобы обучить одного талантливого человека, имеет смысл обучать весь курс. С моего курса вышло много артистов: Смехов, Максакова, Збруев... Это много для курса. Поэтому я руководил один раз и больше не хочется.

- Какую роль ты бы хотел сыграть?

- Клоуна или дипломата. Это тоже рождено жизнью. Был такой спектакль «Два веронца», он шел на сцене Вахтангова, где я играл главную комедийную роль. Так случилось, что в день, когда я должен был играть спектакль, у меня произошла потеря. Умерла мама, и я отказался играть. Но в середине дня мне позвонили и спросили, может быть, я как-то себя преодолею? Дублера у меня не было, и я согласился. Чтобы сыграть, мне нужно было вытравить, уничтожить, подавить то чувство, которое мной владело и заполнить этот вакуум комедийным импровизационным самочувствием. Это даже нелегко сказать, но я сделал. По закону подлости, случай повторился. И я снова вышел играть. С тех пор мною владеет идея: я хочу сыграть человека,

В августе 1941 г.

который по роду деятельности должен смешить, когда за плечами у него драма. Это может сделать клоун. И дипломат.

Конечно, что-то уже ушло навсегда, Шейлок, мольеровский Скупой так и останутся для меня мечтами. Шекспира не потяну. Я реально, реалистично отношусь к себе, больше того, я всегда боялся несоответствия, предпочитая недобрать, чем перебрать.

- Как проводишь досуг?

- А у меня нет досуга.

- Кто твой любимый писатель?

- Я бы не хотел называть одного. Если говорить о классиках, то это Чехов, Лев Толстой. Мы с точки зрения нравственности очень отстаем от людей прошлого. К счастью, в прозе есть произведения, которые возвращают в эту сферу. Я имею виду «Плаху» Айтматова, «Печальный детектив» Астафьева, «Меньший среди братьев» Бакланова. Эти вещи возвращают нас к тому пути, который мы с вами проскочили.

- Что тебе предлагают играть в кино?

- По традиции — восточных людей, но я считаю, что не имею права откликаться на эти предложения. Ну, сколько может быть из одного артиста этих восточных людей? Вообще, я решил, что на предложения, в которых для меня не будет рожденья характера, я откликаться не буду.

ЭТУШ

Его и представлять не надо, потому что его знают все. Надо просто сказать - Владимир Этуш. И вряд ли найдется человек, который не воскликнет от восторга. Вроде об Этуше известно все: блистательный актер, герой-фронтовик, профессор «Щуки» (Театрального училища им. Б.Щукина), мужчина, всю жизнь окруженный шикарными женщинами. Авторитет Владимира Абрамовича в народе настолько высок, что даже обчистившие его квартиру воры возвратили «все, что нажито непосильным трудом»... Я собрал некоторые из его ответов при встречах в разные годы...

Бригелла, спектакль «Принцесса Турандот»

Журден, спектакль «Мещанин во дворянстве»

Арье Лейб и Беня Крик (Александр Филиппенко), спектакль «Закат»

- А ты не думал возглавить театр имени Вахтангова?

- Возглавить? Я думаю, если человек дожил до моего возраста и не стал режиссером - то он и не должен им становиться. Не одобряю артистов, которые, заняв положение, еще и узурпируют свое право на режиссуру. Они не всегда имеют на это право, потому что режиссура - особая специальность, она состоит из педагогики и пластического решения. Педагогикой я занимаюсь, а вот второй составляющей не владею.

- Тебя несколько раз выбирали ректором на пятилетний срок, а потом - худруком «Щуки».

- Я доволен, что мне удалось поддержать репутацию, уровень «Щуки». О том, что соответствуем высоким международным меркам, могу судить и по такому любопытному факту: недавно мы вдруг получили наследство. Какая-то дама из Германии завещала нам 35 тысяч евро. Почему нам, за что - ничего не знаю, но всё равно приятно. Эти деньги пойдут, как и написано в завещании, на помощь бедным студентам.

- Мне известно, что ты родился дважды.

- Точно. В действительности - в 1922-м, а официально по паспорту - в 1923-м. Дело в том, что родители по традиции тех лет записали меня годом позже, чтобы я успел окрепнуть и возмужать к армейскому призыву.

- То есть, например, в этом году ты празднуешь девятидесятилетие, и в следующем опять девятидесятилетие?

- Смешно, правда? Но это так.

- Что больше всего повлияло на тебя в юном возрасте?

- Навсегда врезался в память, конечно, арест отца. За что его взяли, он и сам не знал. Ночью пришли двое в штатском, один сказал:

- Ну, сейчас я вас обрадую.

Сел на стул и достал ордер на арест. Долго обыскивали квартиру, описали все имущество и увели его с собой. Потом уже мы узнали, что его арестовали как «социально вредный элемент». Хотя отец был трудяга - с 12 лет уже работал приказчиком в мануфактурном магазине. Потом стал коммивояжером. В годы НЭПа владел небольшим галантерейным производством, то есть, если по-нынешнему, - был предпринимателем. Мой дедушка, сельский портной из местечка Глузк в Белоруссии, ходил, хлопотал, обивал пороги разных учреждений и прокуратуры. Но так и умер, не дождавшись папиного возвращения.

- Тебя стали считать «сыном врага народа»?

- Да, и я довольно долго чувствовал себя изгоем. В девятом классе был такой случай: учитель литературы попросил меня изложить точку зрения Ленина на роман Гончарова «Обломов». Выслушав мой ответ, он спокойно сказал:

- Вы сейчас высказали точку зрения Бухарина.

А Бухарина уже год как расстреляли. Я извинился и сел на место. В начале следующего урока меня вызвали к директору. Тот стал интересоваться, за что сидит мой отец, затем стал угрожать мне тем, что сдаст меня в НКВД, тянул руку к телефону, а я упрашивал его не делать этого.

Купо, спектакль «Западня»

Саахов (стоит), «Кавказская пленница»

1941 г. Курсант

У фотографии курсанта Владимира Этуша

Князь К. в спектакле «Дядюшкин сон»

Страшно было не за себя - за маму. Только что отца арестовали, а если еще и сына посадят, как она будет, бедная?

Я помню то чувство страха. Я просил директора не вызывать НКВД, твердил:

- Я выучу слова Ленина, я выучу!

К счастью, всё обошлось. Отец отсидел года полтора, затем его выпустили и даже выплатили зарплату, которую он не получил из-за отсидки. Признали ошибку!

Но помню, я даже ходил по улицам Москвы, встречал мужчин и думал: «Этот не сидит, а мой папа - в тюрьме».

- Когда появилось желание стать актером?

- Первые мысли о театре возникли у меня в восьмом классе, когда я стал заниматься в школьной самодеятельности под руководством профессионала, бывшего актера театра Корша - Павла Тихоновича Свищева. Именно он впервые доверил мне роль в шпионском скетче «На старой даче», и мы с ним гастролировали. Чуть позже я стал завзятым театралом, а затем стал студентом знаменитого Театрального училища имени Бориса Щукина. Страшно подумать - было это почти 80 лет назад.

- Чем ты занимался во время войны?

- А во время войны я воевал.

- А можно поподробнее?

- Я закончил первый курс в училище Щукина, и началась война. Нас отправили на сооружение оборонительных рубежей. Брели на три дня, а оставили на три месяца. Когда я уезжал из Москвы, была объявлена война, но Москва не изменилась. А когда мы вернулись в конце сентября - то это был уже военный город, затемненный с характерными переплетами на окнах, с дирижаблями воздушного заграждения.

- На фронт ты ушел добровольцем, хотя как у студента у тебя была бронь. Что подтолкнуло? Юношеский максимализм?

- Попробую объяснить. Когда видишь в небе дирижабли воздушного ограж-

Король и Солдат
(Олег Даль),
«Старая, старая
сказка»

Антон Семёнович Шпак, «Иван Васильевич меняет профессию»

Окончание. Начало на с.9

дения, характерные бумажные кресты на окнах, светомаскировку и хмурые, озабоченные лица, как-то меняется психология. И это не ура-патриотизм - всё гораздо сложнее...

Сразу после начала войны мы дежурили в училище, ловили бомбы-зажигалки, которые разбрасывали немецкие самолеты.

- А театры работали?

- Был такой спектакль «Фельдмаршал Кутузов», на который очень рвались люди в то время по созвучию момента. Вообще театры во время войны были полны всегда, потому что Москва была перевалочным пунктом: люди уезжали на фронт, ехали с фронта, хотели развлечься. Но в этот день - было 16 сентября 1941 года - в зале на 1200 мест я насчитал 13 человек. Это были потерянные люди, которые не радовались, что попали на спектакль, им было неловко, что весь театр для них играет.

А на сцене тем временем была вся труппа и вся школа, более ста человек, потому что мы играли русскую деревню и французских оккупантов. Но из какого-то жизнеутверждающего чувства театр играл еще лучше.

И на меня это так подействовало, что на следующий день я оказался в армии.

- Стало понятно, что людям не до искусства?

- Да, именно такой вывод я сделал. На следующий день утром я пошел в военкомат и попросился добровольцем на фронт. Юношеский порыв, о котором я ни разу не пожалел. Даже дату запомнил - 16 октября 1941 года.

- Как получилось, что тебя совсем мальчишку, отправили в разведшколу?

- Я немного знал немецкий язык, поэтому меня сначала направили на четырехмесячные курсы военных переводчиков в город Ставрополь на Волге. Готовили к разведке - даже собирались забросить в тыл врага. Но что-то тогда сорвалось, и я попал в стрелковый полк. Служил в пехоте. И не просто прошел дорогами войны, а протопал-прошагал от Аксая до Тбилиси, сражался в горах Кавказа и в Осетии, принимал участие в освобождении Ростова-на-Дону и Украины.

- Что ярче всего вспоминается?

- Да всё! Особенно бои за Ростов, Азов, Ставрополь, Грозный. Наверное, потому, что там я пережил самые страшные дни. Сколько раз я должен был на фронте погибнуть, не передается исчислению...

Помню, однажды на каком-то военном совете помощник командира полка по политической части вдруг заявил:

- Этуша надо было бы за это расстрелять!

Уже не помню, за что. Полк - хозяйство большое, неполадок случалось много. И добавил, обращаясь ко мне:

- Верно, Этуш?

Егор Кузьмич, «Старый вояка»

Я встал и ответил:

- Никак нет, товарищ подполковник. Врете.

- Садитесь.

Я сел. И никто меня не расстрелял.

- А могли?

- Запросто! Это же были обычные фронтовые будни. Ну, чего тогда стоила жизнь бойца? Например, я был случайным свидетелем того, как комдив наказал солдата-связиста, потому что тот позволил себе взять гитару в каком-то доме только что освобожденного нами села и пару раз тряхнуть, хотя все силы тогда следовало отдавать наступлению. Не раздумывая, командир выхватил пистолет и расстрелял беднягу на месте! Это было под Таганрогом.

Или помощник замполита полка убил

начальника продсклада за то, что тот отказался налить ему стакан водки. Застрелил за стакан! И ничего. Его разжаловали, но оставили служить при штабе. Так и болтался там без дела.

- А орден Красной Звезды за что?

- Какого-то конкретного большого подвига я не совершил, но был ряд поступков, после которых командование меня оценило орденом Красной Звезды.

Думаю, это после ранения на реке Молочной под Запорожьем. На четырнадцатые сутки боя уговорил начальника штаба отпустить на передовую и поднял роту в атаку.

вился в училище в пробитой осколками, окровавленной шинели, с палкой. Разумеется, не из соображений экзотики, а оттого, что мне просто больше нечего было надеть. Потом я окончил училище и почти сразу поступил в труппу Вахтанговского театра.

- Война наложила отпечаток на твою судьбу, характер?

- Конечно! Я ведь был на фронте разведчиком, а потому мне пришлось побывать в жутких переделках.

- Было ли тебе страшно?

- На войне тебе постоянно трудно и страшно, но этот страх становится образом жизни. А еще возникали такие моменты, которых, казалось бы, на войне быть не может. В 1943-м на Ставрополье на рассвете мы заняли село, только что отбитое у фашистов. Я должен был отконвоировать пленного в штабную избу. Пленный - мальчишка, «язык», я даже помню, как его звали, - Людвиг. Пока мы шли, он всё просил:

- Не стреляйте в меня!

Так вот, привел я этого немца в командирскую избу. Что такое командирская изба, знаешь? Поясняю: одна большая комната с печкой, на которой повар готовит блины для командира полка. А в соседней маленькой комнатке - железная кровать, на которой пытаются уместиться, чтобы вздремнуть, все офицеры штаба.

Оставил я своего немца там и уехал с поручением. Вернувшись ночью, увидел следующую картину: на этой железной кровати примостился мой Людвиг, рядом с ним другой немец, которого поймали уже без меня, у них в ногах поперек кровати лежал начальник химической службы полка, на полу спал ничком начальник разведки, а на его попе покоилась голова третьего пленного немца. Над всем этим возвышался часовой, который тоже спал, сидя на стуле. Согласись, необычная картина? Стояла полная тишина, было ощущение, будто и нет никакой войны, а эти спящие люди не враги друг другу.

Для меня это был, наверное, самый значимый эпизод войны. Потому что я вдруг пронзительно понял, что нет на земле никаких русских, немцев, евреев, голландцев... А есть такие же люди, как и я, только одетые по воле судьбы в разную форму, говорящие на разных языках, но одинаково чувствующие

Карабас Барабас,
«Приключения Буратино»

Магистр чёрной и белой
магии Мальгрим, «31 июня»

Владимир Этуш, Галина Коновалова, Юрий Яковлев

С Михаилом Козаковым

и одинаково мечтающие жить. Ведь перед лицом смерти мы все равны - и делить нам нечего.

Когда я сейчас это вспоминаю, то не могу без волнения рассказывать.

- Ты стал преподавать в родном Щукинском училище еще, будучи четверокурсником. Что послужило причиной? Не по годам большой жизненный опыт?

- Нет. На самом деле причина в том, что мне не нравилось, как артисты играют. Честно! Я все видел по-другому. Мне искренне казалось, что, если я подскажу им, как это надо делать, все получится лучше. И выпустил, как уже говорил все-го один курс.

- Зато этот твой «один» курс стал самым успешным за всю историю училища. Многие твои студенты стали знаменитыми, едва ли не все народные.

- Это-то и радует!

- Ты шестнадцать лет был ректором «Щуки» и на протяжении десятилетий принимал в ней вступительные экзамены. Часто ошибался в диагностике талантов и бездарей?

- Как и все - очень часто и очень много. У педагога обязательно должны быть интуиция, наитие, но стопроцентной гарантии никто не даст. Все-таки талант - понятие субъективное. Тем не менее, я всегда готов поднять бокал «белого» за то «красное», что было выпито из меня студентами за столько лет моего преподавания в «Щуке».

- В кино ты снимался не так часто, но все твои роли яркие, колоритные, запоминающиеся. Есть среди них особо любимые?

- Не могу сказать, что люблю все. Это как женщины: их может быть много, но не все они любимые. Были удачные и не очень. Например, роль Карабаса-Барабаса в «Приключениях Буратино» мне не очень нравилась. От сопливой детворы прохожу на улице не было, мамы мной вместо Бабы-Яги неслухов пугали - ну, скажи, что тут хорошего? Да и роль инженера Брунса в «12 стульях» настоящей работой я не считаю.

А вот «стоматолог Шпак» из «Ивана Васильевича» - это да!

Кстати, от роли Саахова в «Кавказской пленнице» я поначалу вообще решил отказать.

- Почему?

- До этого я уже сыграл турецкого адмирала Сеида-Али в исторической картине «Адмирал Ушаков», итальянца Мартини в «Оводе», кагэбэшника «кавказской национальности» Калоева в «Председателе» и других героев южных кровей. Все они были столь невыразительны и однообразны, что я не хотел больше ничего подобного играть - не желал, таким образом, заштамповаться. Я ведь характерный артист и хотел просто хороших ролей, поскольку не был ими избалован. Не Гамлета, не Хлестакова - просто хороших.

Поэтому когда Гайдай мне предложил сыграть Саахова, я спросил его:

- Неужели у вас нет для столь омерзительной роли какой-нибудь другой кандидатуры?

В ответ, однако, услышал, что лучше всего для нее подхожу я.

Я подумал, подумал и... Хорошо, что не отказался - эта роль стала этапной в моей жизни.

- Правда, что после успеха «Кавказской пленницы» ты решил снять продолжение?

- Да. Леонид Гайдай, к сожалению, был занят, а мы с авторами сценария Слободским и Костюковским загорелись этой идеей. Как ты помнишь, фильм заканчивается судом. Так вот мы хотели показать Бывалого, Балбеса и Труса вместе с товарищем Сааховым в образцово-показательной тюрьме, где Саахов работает директором клуба, руководит лагерной художественной самодеятельностью. Потом - после отбытия срока - он возвращается домой и узнает, что его должность заняла... Нина - «комсомолка, спортсменка и просто красавица».

- Отличный сюжет. Что помешало?

- Уже был написан сценарий, и все мы были уверены, что получится очень смешно. Но нам запретили наотрез! Сказали: - Где угодно снимайте, только не за колючей проволокой. Достаточно того, что по всем «вражеским голосам» круглосточно утверждают, что вся наша страна - один сплошной лагерь.

И сколько мы не ходили по «инстанциям» и не обещали показать нашу тюрьму образцово-показательной, такой, что люди сами будут в нее проситься... Не разрешили.

- Твоя творческая жизнь полна приключений. А в жизни часто с тобой приключалось нечто экстраординарное?

- Ты не поверишь! Однажды я выступил в роли «террориста». Более того, я был первым, кто принудительно посадил большой самолет в Москве.

- Шутишь?

- Какие шутки? Начало 70-х. Часть фильма «Миссия в Кабуле», куда меня пригласил режиссер Леонид Квинихидзе, снимали в Афганистане и в Индии.

В театре Вахтангова в то время довольно активно шел спектакль «Мещанин во дворянстве», где я играл главную роль. Играл без дублера, поэтому не явиться на него нельзя. И вот...

Индия, там были сняты основные сцены с моим участием. Пора возвращаться, но билетов на наш аэрофлотовский рейс на нужное число нет. Что делать? Остается лететь следующим, нашим, аэропортовским рейсом. А это значит еще на сутки позже. Вариант один: взять багаж с собой, чтобы по прилете в Москву прямо с трапа самолета мчаться в театр. Иначе спектакль будет сорван.

Короче, сажусь в этот самолет, разъясняю ситуацию командиру корабля. Он выслушал меня и вдруг говорит:

- Чемодан-то мы возьмем, да только в Москве самолет не сядет. Мы летим в Киев!

- Как в Киев?

Я, весь заведенный, - и так, и этак.

- Все понимаю, но самолет в Москве не садится.

Раздосадованный, я сел на свое место и заснул. Просыпаюсь - мы уже над Воронежем. Открываю чемодан, а там у меня лежал палаш, декоративный - купил в Индии в качестве сувенира. И так, дурака валяя, иду к пилотам в кабину. А тогда только начались эти угоны самолетов, и они были настороже.

Я поднял палаш над головой, вхожу в кабину и громко говорю:

- Принуждаю сесть в Москве!

Они сначала оторопели, а потом, оценив мой юмор, стали смеяться.

Пилот говорит радисту:

- Слушай, Вася, запроси-ка Москву, может, она все-таки нас примет?

И случилось почти невероятное: Москва приняла.

- Ты был трижды женат. Можно сказать, что в твоей жизни много было настоящей любви?

- Кто-то, наверное, сказал бы - очень-очень много. Как и всякий мужчина, я

встречал на своем пути женщин, которых любил и которые любили меня. И я благодарен им за это. По прошествии стольких лет твердо могу сказать одно: в моей жизни была любовь. Всегда!

- Елена, твоя нынешняя супруга, моложе тебя на сорок два года. С твоей стороны это был смелый поступок - сделать ей предложение?

- Это произошло естественно. Ни одной из своих жен я не предлагал:

- Хочешь за меня замуж?

Вообще таких слов не говорил! Мы сходились, а потом становилось понятно, стоит ли продолжать отношения, как-то их зафиксировав.

- Владимир Михайлович Зельдин недавно на своем юбилее заявил, что он до сих пор как актер «голодный», не наигрался и ждет ролей...

- И я этот голод испытывал всю жизнь. Правда, в большей степени это касается кино, несмотря на популярность моих персонажей. Всею виной моя внешность: героем с ней не побудешь, героем-любовником - тем более. Только в сказках и комедиях оставалась отдушину.

- Лет десять назад на вопрос, видишь ли ты себя на сцене после девяноста лет, ты решительно ответил: не вижу! Между тем, ты продолжаешь играть...

- Десять лет назад я не думал, что у меня на это хватит сил. Но вот откуда-то взялись... А откуда - я не знаю. Никакого секрета у меня нет. Просто живу себе, работаю - и всё! Гимнастикой или пробежками не занимался, всегда ленился. Сейчас много гуляю, слежу за правильным питанием. И потом, артист должен работать. Когда он не работает, он чувствует себя «без штанов». Для меня самое лучшее лекарство - это поддержка и любовь зрителей.

- То есть ты по-прежнему о новых ролях мечтаешь?

- Мечтаю, конечно, а без этого как жить? Невозможно!

С Владимиром Зельдиным

